

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ВОСТОЧНАЯ КОМИССИЯ
ГЕОГРАФИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА СССР

СТРАНЫ И НАРОДЫ ВОСТОКА

Под общей редакцией
члена-корреспондента АН СССР
Д. А. ОЛЬДЕРОГГЕ

ВЫП. XVIII

ГЕОГРАФИЯ. ЭТНОГРАФИЯ. ИСТОРИЯ
ПАМЯТИ А. В. КОРОЛЕВА

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
Главная редакция восточной литературы:
Москва 1976

Б. П. Полевой

СИБИРСКАЯ КАРТОГРАФИЯ XVII в. И ПРОБЛЕМА БОЛЬШОГО ЧЕРТЕЖА

Самый известный древнерусский географический памятник «Книга Большому чертежу» 1627 г. еще с XVIII в. вызывал живейший интерес у многих русских ученых, которым прежде всего хотелось по тексту этой книги попытаться восстановить внешний вид всех описанных в ней географических чертежей. Одновременно многие интересовались и самой историей создания этих чертежей. Уже первые исследования показали, что многое в тексте «Книги Большому чертежу» неясно. Поэтому еще в середине XIX в. отделение этнографии молодого Русского географического общества предложило организовать всероссийский конкурс для решения проблемы Большого чертежа. Как указывал историк А. И. Артемьев, члены общества надеялись, что в итоге «все недоумения о „Книге Большого чертежа“ найдут себе опытного и вооруженного эрудицею истолкователя и разъяснителя» [4, 135]. И хотя общество устанавливало дважды большие денежные награды за решение проблемы Большого чертежа, вплоть до середины нашего столетия она осталась нерешенной. И лишь недавно наконец удалось найти путь к правильному истолкованию основных вопросов этой важной проблемы. Здесь на помощь исследователям пришли новые данные из истории сибирской картографии XVII в. Особую роль в этом сыграла публикация в 1958 г. так называемой «Хорографической чертежной книги» С. У. Ремезова [47] — атласа, который по своей структуре, по типу включенных в него чертежей резко отличался от двух других атласов С. У. Ремезова — от «Чертежной книги» 1701 г. [38] и более поздней его «Служебной чертежной книги», хранящейся в рукописном отделе Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина [1, 96—147].

Главной особенностью так называемой «Хорографической чертежной книги» С. У. Ремезова было то, что она состояла из большого числа так называемых «чертежей с урочищи» — подробнейших многолистных путевых чертежей сибирских рек. Шесть лет спустя после публикации «Хорографической чертежной книги» в 1964 г. покойный член-корр. АН СССР А. В. Ефимов воспроизвел несколько аналогичных путевых чертежей XVII в. отдельных рек Сибири [3, карты №№ 35—40], благодаря чему стало очевидным, что С. У. Ремезов свои «чертежи с урочищи» делал явно по образцу уже ранее существовавших в Сибири путевых чертежей.

Внимательное изучение сибирских документов XVII в., как опубликованных, так и в большей степени неопубликованных, ясно показало, что этот тип путевых «чертежей с урочищи» был в ту эпоху самым

распространенным типом сибирских региональных географических чертежей. В сборниках документов уже неоднократно публиковалась [5, т. 2, 243—246; 15, 110—114] широко известная роспись части Енисея и нижней Ангары (Верхней Тунгуски) — от Енисейска до Ленского во-лока. Очевидно, что расписанные в ней чертежи были именно такими путевыми «чертежами с урочищи», сделанными на нескольких листах-столбцах. Такого же типа был и чертеж Лены, составленный в 1640 г. Курбатом Ивановым [5, т. 2, 246—248; 21, 46—47]. Наши дальнейшие изыскания показали, что и многие другие чертежи Курбата Иванова [21, 49—52; 34, 157], оказывается, имели тоже такой же характер. Во всяком случае, очевидно, что сделанный К. Ивановым чертеж пути, по которому ходили «люди Дмитрия Копылова» [21, 49], т. е. участники похода Ивана Москвитина — первого русского похода на Тихий океан, был путевым чертежом их маршрута. Многолистным путевым чертежом был и потопленный на р. Мае чертеж, составленный участниками первого русского похода по Амуру В. Д. Пояркова [19, 547, 24, 122]. Аналогичный путевой чертеж делался и во время путешествия по Вити-му в 1641 г. Еналея Бахтеярова [50, 59].

Путевым чертежом был и отправленный в 1655 г. с Анадыря Семеном Дежневым «реке Анадыре чертеж: с Анюя реки и за Камень на вершину Анадыря и которые реки впали в большие и малые и до моря и до той корги, где вылягает зверь» [8, 157; 16, 139]. Такой же характер носил и чертеж, который подал Михаил Стадухин в 1659 г. после своего возвращения в Якутск из похода с Анадыря на Пенжину и далее по Охотскому морю до р. Тауя, а затем и до р. Охоты [5, т. 4, 122]. Аналогичными были и чертежи верхнего Амура, составленные спутниками Я. П. Хабарова в 1649—1650 гг. Подобные же многолистные путевые чертежи «писал» И. Максимов — участник похода П. И. Бекетова от Байкала к верховьям Шилки до р. Нерчи [34, 196]. Перечень таких сибирских многолистных путевых чертежей можно было бы продолжить на нескольких страницах, и все равно этот список остался бы весьма неполным — так велико было в XVII в. число путевых чертежей, сделанных в Сибири. Немалое количество аналогичных чертежей было создано в XVII в. и в европейской части России, особенно на ее северных и южных окраинах. Голландский географ Н. Витсен в конце XVII в. также сообщал, что он располагал полученными из России «многочисленными неумело сделанными географическими чертежами каждой местности или реки» [27, 127; 49, предисловие]. Делались они обычно при путешествии по тому или иному маршруту, чаще всего по рекам. Поэтому мы их и называем путевыми или маршрутными чертежами.

При дальнейших изысканиях (и это очень важно отметить!) стало очевидным, что такого рода типичные для России XVII в. путевые чертежи весьма часто входили в состав чертежных книг, которые создавались в период проведения тех или иных обширных картографических работ. Установить существование подобной системы нам помогла упомянутая «Хорографическая книга» С. У. Ремезова. При ее изучении неожиданно выяснилось, что основную часть использованных в ней путевых чертежей С. У. Ремезов решил оформить в виде особой чертежной книги лишь из-за того, что он оказался не в состоянии включить все собранные им географические сведения в один большой настенный общий «чертеж части Сибири». Так, из-за «невмещения парчи» [47, 8] он счел нужным добавить к общему чертежу «части Сибири» в качестве «прилога» особую чертежную книгу с серией путевых «чертежей с урочищи» многих рек Сибири [подробнее см.: 30]. И именно поэтому С. У. Ремезов в Москве был «похвален паче иных протчих в

полности мастерства чертежей»¹. Теперь стало вполне понятным, почему С. У. Ремезов в данном случае употребил множественное число: ведь в «чертеж части Сибири» помимо сводного чертежа вошло множество путевых чертежей.

В последнее время исследователи смогли убедиться в том, что С. У. Ремезов, собрав большое число различных географических чертежей по Сибири и сопредельным странам, в технику картографирования, по существу, ничего нового не внес: оказалось, что он всегда использовал давно уже проверенные в России методы картографирования и делал свои чертежи по уже существовавшим образцам. А это говорило о том, что С. У. Ремезов и при создании своей «Хорографической чертежной книги» уже располагал в Тобольске каким-то чертежом, сделанным по такому же образцу: общий сводный чертеж + серия подробных путевых чертежей. Именно эта простая мысль заставила нас по-новому взглянуть на чертеж Сибири 1667 г., копия общего чертежа которого была приведена Ремезовым в его «Хорографической книге» [47, 4].

До 60-х годов XX в. исследователи никак не могли найти убедительного объяснения, почему между росписью чертежа Сибири 1667 г. и его общим чертежом существовали странные несоответствия. В росписи имелись десятки географических названий, которых не было на общем чертеже Сибири 1667 г. В ее московском «списке»-копии [52, 5—6] имелись условные обозначения, «знаки по чему в чертеже узнавать»², которые не использовались на общем чертеже. Упоминались крепости, которых не было на самом чертеже, а иногда не было даже изображения тех рек, на которых они должны были бы быть созданы. Сам общий чертеж Сибири 1667 г. поражал своей нарочитой примитивностью и был безусловно менее детален, чем многие другие сибирские чертежи, сделанные еще до 1667 г., например хотя бы чертежи Курбата Иванова 1640—1645 гг. [21, 46—52]. Поэтому совсем непонятным было, почему этому чертежу давали столь высокую оценку и С. У. Ремезов³ и голландский географ Н. К. Витсен [49, предисловие].

В «Хорографической книге» С. У. Ремезова имеется список условных обозначений в виде начальных букв [47, 30]. По списку условных обозначений в московской росписи чертежа Сибири 1667 г. («знаки по чему в чертеже узнавать») видно, что С. У. Ремезов заимствовал эту систему из чертежа Сибири 1667 г. Но если С. У. Ремезов использовал такие буквенные условные обозначения в своих «чертежах с урочищи», т. е. путевых чертежах-«прилогах», то логично допустить, что и в чертеже Сибири 1667 г. они также использовались в подобных же путевых «чертежах с урочищи». Приводя в «Хорографической чертежной книге» копию общего чертежа Сибири 1667 г., Ремезов особо говорит, что этот чертеж остался «без прилогов селищ и волостей и немирных землиц» [47, 4]. Само конкретное перечисление «прилогов», видимо, потребовалось Ремезову потому, что у чертежа Сибири 1667 г. были какие-то другие «прилоги», и логично предположить, что под этими «прилогами» подразумевались в первую очередь аналогичные «чертежи с урочищи» — путевые чертежи, в которых и были использованы «знаки по чему в чертеже узнавать», а на некоторых из них, видимо, и были изображены крепости, намеченные тобольским воеводой

¹ См. предисловие самого С. У. Ремезова к его «Чертежной книге Сибири 1701 г.» [38]. Та же формулировка дана и на листе 28 в «Служебной чертежной книге» [1, 100].

² Впервые упомянул об этих «знаках» в виде отдельных букв еще видный архивист Н. Н. Оглоблин [12, 6].

³ См. предисловие С. У. Ремезова к его «Чертежной книге Сибири 1701 г.», [а также: 18, 130—131; 22, 67—68; 45, 20—21]. Сам текст см. ниже (стр. 216).

П. И. Годуновым к строительству. Недавно удалось найти архивный документ о том, что летом и осенью 1667 г. был составлен один из таких путевых чертежей — чертеж Исети, на которой и планировал создать главные новые крепости П. И. Годунов [18, 124—126]. Следовательно, чертеж Сибири 1667 г. несомненно располагал целой серией подробных путевых чертежей. Такое простое решение проблемы сделало сразу понятным и многое другое в чертеже Сибири 1667 г. Например, выяснилось, почему в документах говорилось, что этот чертеж был «сбиран». Он действительно был собран из многочисленных путевых чертежей отдельных рек, а его весьма примитивный общий чертеж явно ставил своей задачей дать лишь общую схему тех рек и путей, которые были подробно отражены уже в путевых «чертежах с урочищи». Стало вполне ясно, почему в росписи упоминались во множественном числе «клейма» (или «круги»), в которых был дан текст отдельных «статей» росписи чертежа Сибири 1667 г.: очевидно, что каждое такое «клеймо» было сделано на особом путевом чертеже.

В свете всех этих данных получила совершенно новое значение и известная хвалебная характеристика, данная Семеном Ремезовым всему чертежу Сибири 1667 г. Как известно, С. У. Ремезов писал: «...в лето 7176-го повелено в Тобольску по грамоте великого государя всю Сибирскую землю описать грани земель и жилищ, межи, реки и урочища, и всему учинить чертеж. И се первое чертежное описание Сибири от древних жителей и сему чертеж учиниша и печати предаша, и по сему отчасти Сибирь означися. И о сём тогда всем сибирским жителям первое вново сибирский чертеж и великое удивление, яко много лет при житии их проидоша, и неведомы орды сосед жилища и урочища бежа и о сём древле неверием слуха одержими беша, еще им мало-проходно быша: еже нынешнее урочище пять поприщ имуще, они же тогда сто верст мнеша, а иде же день ходу, ту им неделю ездю и тогда им сосед жилища и урочища отчасти открылся: зане в вопросах неiskusни беша» [18, 130—131; 22, 67—68; 45, 20—21].

Ремезов здесь ясно указывает, что в 1667 (7176) г. был дан наказ «всему учинить чертеж», т. е. «и землям, и жилищам, и межам, и рекам, и урочищам». На известном однолистом схематическом чертеже Сибири 1667 г. не было весьма многих жилищ и рек, которые были упомянуты в росписи чертежа Сибири 1667 г. Не было и никаких «урочищ». Поэтому очевидно, что все это могло быть изображено лишь на дополнительных подробных «чертежах с урочищи». И только по этим подробным чертежам и можно было получить практически полезное представление о многих сибирских реках и о самых малых расстояниях, например, как указывает С. У. Ремезов, всего в «пять поприщ» (немногим более 3 верст) между поселениями. Не надо забывать и главного: схематический общий чертеж Сибири был полезен для сибиряков только как схема, позволяющая наглядно представить, как между собой соотносились путевые чертежи. Для практических же нужд больше всего нужны были, конечно, именно подробные путевые чертежи, что, к сожалению, часто забывают некоторые историки картографии.

Правильность этих выводов была также подтверждена и анализом некоторых других чертежей Сибири XVII в. При дальнейших изысканиях выяснилось, что аналогичную структуру имел и отчетный чертеж посольства Н. Г. Спафария 1675—1678 гг.⁴ Все это уже было подробно изложено нами в печати [17]. Здесь же напомним лишь главное.

⁴ Этот отчетный чертеж не следует смешивать с так называемой «Картой Н. Г. Спафария», найденной Л. С. Багровым в Берлине и опубликованной в «Imago Mundi» в 1947 г. [41, между стр. 68 и 69; 3, карта № 32; 17, 115, 122].

Внимательный анализ всех документов, связанных с проездом через Сибирь посольства Н. Г. Спафария, позволил установить, что русское правительство уже ожидало от участников этого посольства составления в Сибири нового чертежа с совершенно аналогичной структурой и с множеством подробных путевых чертежей. В самом деле, еще 23 февраля 1675 г. Н. Г. Спафарию была в Москве вручена «наказная память», по которой он должен был установить, «сколько от которого города и до которого города или улуса до улуса, верст или миль или дниц... и от Тобольска по дороге до порубежного китайского города изобразить все землицы, города и путь на чертеже... А на Москве явиться и всему тому статейный список и описание Китайского государства и дорог, на которые места из Москвы в Китай и из Китая к Москве подать чертеж в Посольском приказе...» [35, 152].

Несмотря на то что Посольский приказ отказался включить в состав посольства «живописца, который бы знал чертеж и землемерие и реки писать...» [2, 9], т. е. чертежника, который умел бы делать путевые чертежи рек, Н. Г. Спафарий уже с Самаровского яма (район устья Иртыша) сообщил царю Алексею Михайловичу, что он все-таки займется в пути составлением подробных чертежей сибирских рек: «А всем рекам и урочищам учиню я, холоп твой, подлинный чертеж и роспись (хотя со мною и чертешка нет)...» [35, 168]. И действительно, уже тогда Н. Г. Спафарий отправил в Москву свой первый подробнейший путевой чертеж р. Иртыш [17, 117; 35, 40—50]. Позднее подробная роспись этого чертежа была включена им ввиду особой вставки в текст его знаменитого описания Сибири. Позже посольством Н. Г. Спафария были составлены аналогичные чертежи и росписи главнейших рек — Оби, Енисея [35, 68—71], Лены [35, 86—87], Амура [26] и оз. Байкал [35, 116—123]. Аналогичные работы участники проводили и за пределами Сибири. В конце второй главы своего сочинения «Описание первой части вселенной, именуемой Азией» Н. Г. Спафарий указывал, что он и его спутники «для лучшего уразумения не токмо писали в книге, какие люди живут около Китая и около большой стены, но и чертежи начертили до Китая, какие люди живут и какие реки и места суть и все именно и подлинно писанию предали, как в чертеже объявлено будет...» [17, 117—118]. Из этой фразы ясно видно, что в пути спутники Спафария чертили подробные путевые чертежи, намереваясь в дальнейшем включить их в свой сводный отчетный чертеж, сделанный в виде чертежной книги, в котором было дано изображение «рекам и горам и островам и протокам и городам и острогам и юртам татарским и остяцким и всем знатым местам и урочищам царства Сибирского от стольного града Тобольска даже до стольного китайского города Камбалыка...» [51, 350; 17, 118]. Совершенно аналогичную структуру также имели и чертежи Сибири 1673 г. [23, 86—87] и более ранний чертеж Сибири 1627—1628 гг.

Как показало изучение истории культуры Сибири XVII в., сибиряки чаще всего во всем пользовались образцами, созданными в Москве. Все это свидетельствовало, что в Москве несомненно должны были существовать чертежи аналогичной структуры. В связи с этим и родилась весьма простая мысль, которая ранее никогда не возникала у историков русской картографии: не могла ли «Книга Большому чертежу» тоже отражать главным образом содержание дополнительной чертежной книги, составленной в основном из подробных «чертежей с урочищи»?

Такой новый подход к проблемам «Книги Большому чертежу» (в дальнейшем — КБЧ) дал весьма полезные результаты. Известно, что в ней имеется множество подробнейших описаний различных путей —

шляхов и рек. Сравните все эти росписи с аналогичными росписями рек, составленными в Сибири, например с ранее упоминавшимися нами известными росписями водного пути от Енисейска до Ленского волока, или росписью верхней Лены до Усть-Кута, которую составил Курбат Иванов, или росписями главных сибирских рек, которые были составлены Н. Г. Спафарием и его спутниками, и вы убедитесь, что между этими росписями существует поразительное сходство. Сам Н. Г. Спафарий кое-что даже заимствовал из текста КБЧ, например, из описания Средней Азии [10, 92—95; 35, 49—50]. Но мы знаем достоверно, что в Сибири подробные «росписи противу чертежу» делались лишь к подробным путевым чертежам рек и сухопутных дорог. Уже это одно говорит о том, что в КБЧ такие же росписи рек и шляхов также были сделаны к аналогичным путевым чертежам. Следовательно, в основной части ее тоже даны подробные росписи так называемых «чертежей с урочищи».

Нетрудно убедиться, что и в самом тексте КБЧ есть целый ряд формулировок, которые полностью подтверждают эту мысль. Известно, что первая, основная часть КБЧ посвящена описанию трех дорог, идущих через «поле» — через территорию, простиравшуюся от Москвы к Крыму. И в вводной части КБЧ сказано, что этот чертеж дьяки Разрядного приказа «велели сделать от царствующего града Москвы Рязанским и Северским и Польским городам: от Ливен от города тремя дорогами до Перекопи: дорогою муравским шляхом, дорогою кальмиюскою, среднюю дороною изюмскою против разрядные старые росписи, что зделана роспись в Розряде при прежних государех, от Ливен до Перекопи, и от Перекопи до Козлева и до Бакчисарая и Альма-сарая, и до Корсуни и до Кафы и до Крыма, и до Балыклея и до черкасов, что промеж Черного и Азовского моря остров Таурика, а ныне Крымская орда; теми тремя дорогами рекам и колодезям и на реках татарские перевозы и перелазы, которыми татаровя приходит в Русь и всяким полевым урочищам и до которых урочищ ездят из Белогорода станицы и кладут доездные памяти. А зделав всему тому чертеж и на том чертеже города, и реки, и всякие урочища, велели подписать порознь, подлинно, как было подписано всякому урочищу написано в старом чертеже» [10, 49—50]. Все выделенные нами в этом тексте слова ясно показывают, что тут идет речь, конечно, о путевых чертежах трех шляхов, сделанных в виде традиционных для той эпохи «чертежей с урочищи». Ведь здесь прямо сказано: чертежи сделать «тремя дорогами», да еще со «всякими урочищами!» И правильность этого вывода подтверждается документально. В хранящемся в ЦГАДА списке «делам, вынесенным из Розряда в пожар 1626 года», упоминаются «две росписи дорогам и полю, деланы противу чертежей» [11, 44].

Вне всякого сомнения, здесь речь идет о той самой разрядной росписи [о ней см. 10, 50], по которой были реставрированы чертежи дорог «полю». И если ранее это были путевые чертежи, то очевидно, что их реставрировали тоже в виде путевых чертежей. Поэтому формулировка о составлении «чертежа тремя дорогами от Москвы до Перекопа», да еще со «всякими урочищами», могла означать только одно: что в КБЧ действительно были описаны такие подробные путевые чертежи.

Заслуживает внимания и особая оговорка относительно Крымской орды. Как видно из текста КБЧ, в ней особо была выделена Крымская орда, а это означает, что помимо подробных путевых чертежей трех дорог в комплекс чертежей «чертежа полю» входил еще и особый чертеж Крымской орды, вероятно похожий на аналогичный чертеж Крыма, опубликованный Н. Витсеном [49]. Так становится понятным,

почему данные о Крыме в КБЧ приводились дважды: сперва в последней части описания путевых чертежей «Кальмиуской» дороги [10, 65—66], а затем — в особо выделенном описании Крымской орды [10, 96].

Еще К. Н. Сербина [10, 43—45] и И. И. Старостин [36, 227—230] установили, что из всех списков КБЧ наиболее близок к протографу КБЧ список, хранящийся в рукописном отделе Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина в собрании В. И. Ундольского за № 1330. Именно в этом списке сохранился ряд фраз, которые позволяют лучше понять структуру чертежей, описанных в КБЧ. Приведем в качестве примера имеющиеся только в этом списке характерное пояснение относительно Днепра: «И река Днепр в книги сеи ниже устья реки Десны до Киева, до устья и до моря и в нее упалые реки и по ним города, и горы и пороги писаны в книги сеи; а с верху Днепра реки река Днепр описана по Вяземской дороге до Смоленска выше сего в книги сеи, а ниже Смоленска реки Днепр и реки, которые в Днепр пали до Киева писаны ниже сево под статью» [10, 96, 99].

Первоначально может показаться, что слова «в книге сеи» по ошибке повторяются дважды. Но такие повторения встречаются в тексте росписи № 1330 неоднократно, поэтому здесь нет ошибки: просто в одном случае идет речь о КБЧ, в другом же — об описанной в КБЧ чертежной книге, в которой наряду с чертежами иногда (вероятно, из-за отсутствия соответствующих чертежей) приводились в виде отдельных «статей» (росписей) описания отдельных рек, составленные по опросным данным. Поэтому по цитированному тексту можно заключить, что в КБЧ была дана роспись путевых *чертежей* от Киева до моря, а от Смоленска до Киева давалась просто «статья». Верховья же Днепра были изображены уже на путевом чертеже Вяземской дороги.

По списку № 1330 можно было привести еще ряд подобных примеров. Особенно ценен этот список тем, что при детальном анализе его текста можно определить даже ширину «путевой полосы» этих путевых чертежей. Но этот сложный вопрос еще будет рассматриваться нами подробно в особой работе. Здесь лишь укажем, что, по данным наших исследований, ширина этих путевых полос была лишь немногим уже ширины путевых полос в «чертежах с урочищ» в «Хорографической книге» С. У. Ремезова.

Список № 1330 ценен и тем, что в нем наиболее четко видно, в каком именно месте текста КБЧ началось описание чертежа Московского государства. И, перейдя ко второй части КБЧ, нетрудно было убедиться в том, что и в ней также даны росписи путевых чертежей. В 1967 г. [25, 128] мы уже показали, что в КБЧ есть описание путевого маршрутного чертежа Северного Поморья от устья р. Онеги до устья Печоры и что именно этот чертеж и лег в основу западной части известной карты русского Севера Исаака Массы, напечатанной в Голландии в 1612 г. [3, карта № 25; 44].

Только теперь стало впервые понятным, каким образом в текст КБЧ могло попасть курьезное утверждение: «Река Нева течет ис Котлина озера; пала против города Орешка, протоку 40 верст» [10, 156]. Вполне очевидно, что составитель этого текста А. И. Мезенцов, никогда сам не бывавший на Неве, писал это, глядя только на путевой чертеж, где Финский залив с островом Котлин был явно обрезан рамкой чертежа и потому был принят им ошибочно за «озеро», а Нева под его пером потекла вспять, потому что остальные реки этого путевого чертежа текли в сторону Волги. Если бы Мезенцов описывал этот район по сводному чертежу всей России, он, конечно, увидел бы изображение всего Балтийского моря и такой ошибки бы не допустил. Этот курьез в тек-

сте КБЧ служит еще одним подтверждением того, что все подробности в КБЧ описывались по путевым чертежам.

Таким образом, становится совершенно очевидным, что основную часть КБЧ составляют подробные росписи путевых чертежей: сперва чертежей, входящих в состав «чертежа полю», затем чертежа Московского государства. Все эти путевые чертежи были объединены в единую чертежную книгу (атлас). То, что это именно так, доказывают недавно выявленные архивные документы об Афанасии Мезенцове, составителе и «нового чертежа» Московского государства, и самого текста КБЧ [37]. Из этих документов мы впервые узнали, что на последнем этапе работы — в октябре 1627 г. — А. И. Мезенцов был занят составлением «чертежной книги» (так в старину называли только атласы!) [37, 189—190].

Характерно, что путевые чертежи «чертежи поля» были составлены несколько подробнее, чем путевые чертежи Московского государства. И это становится совершенно понятным, если мы вспомним, что в конце КБЧ во многих списках прямо указано, что «чертеж полю» был выполнен в большем масштабе, чем чертеж Московского государства. Большинство исследователей считало, что между этими масштабами было соотношение 2,5:1. Но нетрудно убедиться, что в различных списках это соотношение было различным. Так, на воспроизведенной К. Н. Сербиной фотокопии двух «мер верстам» по списку QXXII 396, 10 верст в чертежах Московского государства занимают только 3 мм, а «полю» — 20 мм, 50 верст — соответственно 1,5 и 97 мм [10, 171], т. е. здесь масштаб оказался увеличенным в шесть раз! И тот факт, что роспись путевых чертежей «чертежа поля» была в несколько раз насыщеннее путевых чертежей Московского государства, ясно показывает, что приведенные в конце КБЧ две масштабные линейки относились именно к этим чертежам. Это важное новое положение со всей очевидностью показывает, что сводные общие чертежи и Московского государства и «чертежа поля» отнюдь не были такими гигантами, как это ранее полагали исследователи, ибо к ним эти масштабные линейки не имели никакого отношения. Подобно тому как и общие чертежи Сибири середины XVII в. имели весьма скромную нагрузку и носили схематический характер, точно так же и общие чертежи Московского государства должны быть, во-первых, неизмеримо меньшего размера, чем это ранее казалось исследователям, во-вторых, иметь и меньшую нагрузку. Все это и побуждает нас совершенно по-новому подойти к давно уже волновавшей исследователей проблеме: какое отношение к КБЧ имеет знаменитая карта России Гесселя Герритса 1613—1614 гг., на которой имеется особая оговорка, что она выполнена по автографу сына Бориса Годунова — царевича Федора Борисовича.

Еще академик К. М. Бэр выражал уверенность, что этот чертеж имеет какое-то отношение к КБЧ [42, 262—267]. Напомним, что в 1852 г. отделение этнографии Русского географического общества предложило исследователям определить, «в какой степени данные Большого чертежа согласуются или не согласуются с картою, приписываемой царевичу Федору Борисовичу» [4, 138]. Многим исследователям казалось, что К. М. Бэр ошибался: прямой связи между КБЧ и картой России Гесселя Герритса будто бы нет. Но когда нам стало очевидным, что сводный, «старый чертеж» Московского государства имел неизмеримо меньшую нагрузку, чем это ранее казалось исследователям, мы смогли убедиться в том, что общий сводный, «старый чертеж» Московского государства был *положен в основу карты России Гесселя Герритса 1613—1614 гг.* Дело в том, что в вводной части КБЧ [10, 49—50] имеется описание, явно относящееся к сводному общему чертежу «старого

чертежа» Московского государства (в списке КБЧ № 1330 оно дано не в общей вводной части КБЧ, а только в середине текста КБЧ [л. 168—171] в вводной части описания чертежа Московского государства) [см. также 10, 50].

Из этого текста мы узнаем, что северные пределы чертежей одни и те же: на западе — р. Тенуя (Тено-Йоки), на востоке — район устья Енисея. Это совпадение никак нельзя считать случайным. Восточная граница также совпадает. Много общего и на юге. Но, конечно, Гессель Герритс и его помощники кое-что исправили в русской карте. Так, очевидно, что северное побережье России ими было уточнено по картам голландских морских экспедиций 90-х годов XVI в. Сухона и Северная Двина даны более подробно на основании, с одной стороны, каких-то русских путевых чертежей этих рек (на самой карте указывается, что изображение этих рек дополнено «ex tabulis», т. е. по каким-то путевым чертежам), с другой — личного опыта лица, доставившего русский чертеж в Голландию, а им был скорее всего Исаак Масса, которому при возвращении из Москвы в Голландию, действительно, пришлось плыть по Сухоне и Северной Двине к Архангельску. Вся западная часть карты России Гесселя Герритса, очевидно, была дополнена по карте Меркатора 1595 г. и некоторым новым картам Польско-Литовского государства.

Все это, вместе взятое, и позволяет нам уверенно сделать вывод, что в основе карты России Гесселя Герритса, безусловно, лежал полусхематический общий «старый чертеж» Московского государства (он же — общий «чертеж Федора Борисовича»). И не случайно Николай Витсен в 60-х годах XVII в. после посещения Москвы стал называть карту Гесселя Герритса «oude kaert», т. е. «старым чертежом» [48, 335].

Правильность этого вывода неожиданно подтверждается и анализом плана Москвы, напечатанного в верхнем левом углу карты России Гесселя Герритса 1613—1614 гг. и тоже сделанного будто бы по «автографу Федора Борисовича».

Исследователи уже давно установили, что этот план Москвы был создан в 1597—1598 гг. [9, 15—16; 32, 66—77]. Но до сих пор не было известно, для какой цели он был составлен. Новая интерпретация текста КБЧ позволяет с полным основанием утверждать, что он был создан специально для «старого чертежа» Московского государства. В самом деле, в тексте списка КБЧ № 1330 имеется фраза: «А в чертеже написан в начале царствующий град Москва на реке Москве» [10, 55]. Это дает основание считать, что подобно тому как в чертежных книгах С. У. Ремезова вначале давалось изображение столицы («стольного града») Сибири — Тобольска, точно так же и чертежная книга «старого чертежа» Московского государства начиналась с плана «стольного града» — Москвы. Об этом в какой-то мере говорит и традиция западноевропейской картографии. Как раз в XVI в. в некоторых атласах Западной Европы тоже давались планы некоторых европейских государств.

Таким образом, неожиданно выяснилось, что многие исследователи совершенно напрасно сетовали на то, что «старый чертеж» Московского государства и аналогичный чертеж 1627 г. будто бы погибли, не оставив после себя никакого следа. Новые изыскания ясно показывают, что в изученных нами голландских чертежах очень многое заимствовано прямо из чертежей, входивших в общий комплекс чертежей так называемого «старого чертежа» Московского государства. Теперь уже вполне очевидно, что в основе голландской карты России Гесселя Герритса 1613—1614 гг. был положен схематический сводный общий «старый чертеж» Московского государства. В основе западной части чертежа русского Севера Исаака Массы 1612 г. лежал путевой чертеж рус-

ского Поморья от устья Онеги на запад, входивший также в «старый чертеж» Московского государства. В основу чертежа Москвы (он же — «Петров чертеж») также был положен чертеж Москвы, включенный в первую часть «старого чертежа» Московского государства.

Новое толкование позволило впервые дать ответ и на вопрос, который ранее вызывал полное недоумение: почему описание двух чертежей в объединенном виде получило название «Книга Большому чертежу» (*одному чертежу!*). Теперь все встает на свое место. Собранные в одной книге общий чертеж Московского государства, чертеж Москвы, серии путевых чертежей так называемого «чертежа поля» и остальной части России в объединенном виде, естественно, должны были получить общее название *одного* чертежа. Тот факт, что в списке КБЧ № 1330, наиболее близком к протографу, встречается [10, 55] после вводной части второй подзаголовок «Книга Большому чертежу, что зделан чертеж Московского государству по все окрестные государства 136-го году» (в первом заголовке стоит «135 г.»), дает основание предполагать, что именно отсюда в списке № 1330 началось описание самой чертежной книги и, видимо, оно повторяло ее название. И это вполне возможно, ведь теперь благодаря недавно найденным документам стало известно, что основные работы по копированию «старого чертежа» А. И. Мезенцов провел еще в «135 г.» т. е. до 1 сентября 1627 г., а уж чертежную книгу он делал в «октябре 136 г.» [37, 189—190]. Эти даты полностью совпадают с тем, что сообщается в списке КБЧ № 1330.

Новое толкование разрешает еще одно недоумение. Прежние исследователи КБЧ не делали попытки установить, в каком именно помещении хранились чертежи, описанные в ней. Между тем частично этот вопрос решается довольно просто. На опубликованном в Голландии «чертеже Кремлена города» [43], который делался в 1597—1598 гг. и также вошел в чертежную книгу «старого чертежа» Московского государства, имеется изображение небольшого двухэтажного П-образного здания, в котором тогда размещались Посольский и Разрядный приказы. По данным историка Москвы И. М. Забелина, Разрядный приказ занимал в этом здании всего 12 сажен нижнего этажа [7, 236]. Глядя на маленькие окна этого здания, стало понятным, почему работавшие в этом приказе подьячие жаловались на тесноту и на темноту. Но сразу же возник другой вопрос: если «старый чертеж» Московского государства был подробнейшим настенным чертежом, то как же в этом полутемном, тесном помещении можно было им практически пользоваться? Ведь надписи на нем должны были быть мелкими, трудночитаемыми. Новое решение проблемы внесло в этот вопрос полную ясность: конечно, здесь существовал лишь схематический общий настенный чертеж Московского государства, а все подробности уже рассматривались в помещении Разряда по чертежной книге, которой можно было пользоваться даже при свете свечи или лучины. Да и делать их было легче из-за того, что в России малоформатная бумага была неизмеримо дешевле и доступнее, чем крупные листы, которые стали широко употребляться на Руси лишь в Петровскую эпоху. Именно в свете этих данных и стало впервые понятным истинное значение сообщения КБЧ о том, что по «ветхому старому чертежу» Московского государства «впредь» уже «урочищ смотреть не мочно, избился весь и розвалился» [40, 49]. Конечно, здесь не случайно говорилось именно об «урочищах», ибо современникам КБЧ хорошо было известно, что они изображались всегда на специальных подробных «чертежах с урочищи», которые часто собирались в чертежных книгах. Видимо, от частого использования листы такой чертежной книги могли «избиться», а сама книга в результате износа скрепляющей ее бечевы могла легко «розвалиться». Теперь стано-

вится вполне понятным и то, что казалось странным Е. К. Огородникову: почему многое в КБЧ давалось «по маршрутным линиям» и почему некоторые города и монастыри, находившиеся вне этих «маршрутных линий», оказались не отраженными в КБЧ [13, 128]. Очевидно, что все эти подробности отмечались в специальных подробных путевых чертежах — «чертежах с урочищи». Но эти чертежи отнюдь не охватывали всю территорию России. Многие оставались за их пределами. А сводные чертежи отражали только самое главное, и потому на них отсутствовали некоторые малые русские города или монастыри. Поэтому, очевидно, сводные общие чертежи Московского государства и чертежи «полю» безусловно должны были иметь неизмеримо меньшую нагрузку, чем это до недавнего времени казалось исследователям.

Таким образом, многое встало на свое место, стало соответствовать и текстологическому анализу КБЧ, и тексту недавно найденных документов о ней, разрешены главные недоумения, давно уже мучившие вдумчивых исследователей.

Но, естественно, возникает вопрос: почему же столь простое решение проблемы структуры чертежей, описанных в КБЧ, стало возможным только в наши дни?

Объясняется это комплексом причин.

Прежде всего исследователи раньше вообще не знали о существовании своеобразной системы составления чертежей, когда все подробности давались в дополнительной чертежной книге на так называемых «чертежах с урочищи». Открыть эту систему удалось только в результате внимательного изучения так называемой «Хорографической чертежной книги» С. У. Ремезова, которая впервые была опубликована в 1958 г. Но зато исследователи XVII—XIX вв. хорошо помнили о существовании в Петровскую эпоху больших настенных чертежей. Поэтому многим казалось вполне естественным, что такие большие чертежи могли появиться на Руси еще задолго до Петра I. Вера в это ослепляла многих исследователей. Они не допускали, что на самом деле большие настенные чертежи смогли появиться в России в конце XVII в., после того как в русских городах стали строиться светлые присутственные помещения и возросла нагрузка общих чертежей. Но характерно: и в этот период при Петре I нагрузка общих чертежей так и не смогла достичь уровня насыщения большинства старинных путевых чертежей. Поэтому нагрузка в КБЧ, приходящаяся на линию того или иного маршрута, была бесспорно значительно выше, чем на общих чертежах Петровской эпохи.

Многих исследователей гипнотизировало и само слово «чертеж». Читая сообщения о том или ином «чертеже», они в этом названии видели непременно *однолистный* чертеж. И это мешало им в определенных случаях правильно понимать сообщения источников. Дело в том, что под «чертежом» в древней Руси могли подразумеваться и однолистная карта, и многолистная, и, наконец, даже целый комплекс чертежей — чертежная книга (атлас).

Дезориентировала многих и запись в росписи чертежей, хранившихся в Разрядном приказе в 1668 г.: «Чертеж большой, наклеен на полотно, прибит на скалу, а на нем подпись: чертеж польским городом и полю, а другая подпись в нем: зделан в Розряде в 135-м году» [14, 3, 15].

Вне всякого сомнения, здесь речь шла об общем настенном чертеже 1627 г., прибитом на бересту («скальце»). Но не следует забывать, что в таких перечнях обычно не указывались «прилоги» к чертежам. Вспомним известия о так называемом настенном «чертеже части Сибири» С. У. Ремезова 1697 г. и в знаменитой «Чертежной книге Сибири 1701 г.» С. У. Ремезова. Этот чертеж воспроизводился без вся-

кого указания на то, что к нему еще прилагалась особая чертежная книга, т. е. чертежная книга 1697 г. Об этом мы узнали только при внимательном изучении «Хорографической книги» С. У. Ремезова. Поэтому ясно, что в разрядной росписи 1668 г. просто не упоминались остальные «прилоги» к этому чертежу, в том числе и относившаяся к комплексу чертежей сама роспись чертежа — КБЧ. Вместе с тем в росписи 1668 г. особо оговаривалось, что у этого чертежа была и вторая надпись: «чертеж польским городом и полю». Раньше исследователи не могли логично объяснить, почему же такое странное пояснение могло появиться в росписи чертежей. Теперь при новом объяснении все встает на свои места: в чертежную книгу «Большого чертежа» действительно был включен в его первую часть так называемый «чертеж полю» со всеми входящими в него чертежами и росписями — «статьями».

Некоторые положения настоящей статьи были уже ранее (в 1966—1972 гг.) изложены в печати [20; 25; 29; 46]. Эти предварительные статьи были сочувственно встречены несколькими исследователями.

Еще в 1968 г. Е. В. Ястребов (московский историк картографии, автор нескольких статей о КБЧ) первым в печати отметил, что новая концепция о структуре чертежей, описанных в КБЧ, «заслуживает внимания» [40, 121]. 2 апреля 1971 г. на заседании отделения математической картографии Географического общества СССР новые взгляды были энергично поддержаны знатоком истории русской картографии Т. Н. Мельниковой. В том же, 1971 г. известный московский специалист в области картографии и топонимики Е. М. Поспелов писал: «Заслуживает самого серьезного внимания и точка зрения Б. П. Полевого (1967), который считал, что в книге описана серия типичных для XVII в. маршрутных „чертежей с урочищи“» [31, 103]. Но особенно ценной для меня была помощь большого знатока проблем КБЧ д-ра истор. наук К. Н. Сербиной, благодаря трудам которой смогло появиться лучшее, пятое издание КБЧ. Без этого капитального издания проведение наших исследований по этой книге было бы практически невозможным. К. Н. Сербина указала мне на ряд дополнительных данных, говоривших в пользу новых взглядов.

В 1971 г. на новое решение проблемы Большого чертежа обратил внимание также и член-корр. АН СССР А. В. Ефимов [6, 141]. В 1974 г. эти же новые положения поддержал и историк картографии В. Г. Чуркин. Он нашел их «интересными» и добавил, что основное новое в них «соответствует отмеченной нами ранее общей закономерности — первые атласы составляются для больших территорий, размеры которых не позволяют изобразить их с должной подробностью на одном листе удобного для пользования формата» [39, 19]. В том же, 1974 г. основную мысль новой идеи отметил в обзоре новейших работ по истории картографии и видный советский специалист в области картографии д-р техн. наук К. А. Салищев [33, 226].

Естественно, всякое новое решение проблемы, несовместимое с прежними представлениями, входит в науку далеко не сразу. Обычно делаются попытки опровергнуть новое. И на этот раз исключения не было: авторы двух диссертаций, многие положения которых оказались в свете новых данных несостоятельными, пытались оспаривать наши взгляды. Но вряд ли стоит полемизировать с теми, кто вместо вдумчивого разбора аргументов просто упрямо отрицает очевидные факты и притом порою прибегает к методам, совершенно недопустимым в науке. Между тем честная полемика по всем поднятым нами вопросам, безусловно, могла быть весьма полезной для всех серьезных исследователей.

В настоящей короткой статье были изложены лишь наиболее важные положения, позволившие решить главное в проблеме Большого чертежа. Эти новые данные ясно показали, что старинные русские чертежи, положенные в основу известных нам переработанных русских чертежей — карты Гесселя Герритса 1613—1614 гг., западной части карты русского Севера Исаака Массы, чертежа Москвы и чертежа «Кремлена города», — были составными частями одного русского рукописного атласа 1598—1600 гг., который впоследствии стал называться «старым чертежом» Московского государства. В 1627 г. именно по нему был воссоздан в виде нового атласа так называемый «новый чертеж» Московского государства. Поэтому теперь уже вполне очевидно, что многие исследователи серьезно заблуждались: «Книга Большому чертежу» отнюдь не отражала содержания какого-то одного чертежа-гиганта — «Большого чертежа». И «старый чертеж» и «новый чертеж» Московского государства, как и «чертеж полю», — это целый комплекс различных чертежей, главным образом путевых чертежей шляхов и отдельных рек. Их же сводные чертежи по своему размеру были сравнительно небольшими.

Таким образом, наши изыскания по истории сибирской картографии XVII в. привели к несколько неожиданному решению проблемы «Большого чертежа» — проблемы, которая так долго волновала многих членов нашего отечественного Географического общества.

Вместе с тем именно решение проблемы Большого чертежа позволило нам убедиться в том, что на сибирскую картографию XVII в., безусловно, весьма большое влияние оказала система составления чертежей, принятая в Москве еще в XVI в.

В дальнейшей разработке всех этих вопросов нам, советским исследователям, могут оказать существенную помощь голландские исследователи, которых заинтересовал вопрос происхождения некоторых голландских карт территории России XVII в. Нам приятно отметить, что этими проблемами уже стали заниматься современные голландские исследователи Пит де Бюк (карта России Гесселя Герритса и др.) и ведущий голландский историк картографии Корнелис Куман (чертежи Москвы и «Кремлена города»). Несомненно, совместными усилиями нам еще удастся существенно уточнить историю получения в Голландии русских чертежей, входивших в состав «старого чертежа» Московского государства.

В заключение важно отметить, что подробные исследования частных вопросов проблемы продолжают и в наши дни. И эти исследования еще раз убеждают нас в правильности основных положений, изложенных в настоящей статье.

ЛИТЕРАТУРА

1. Андреев А. И. Очерки по источниковедению Сибири, вып. I, XVII век, М.—Л., 1960.
2. Арсеньев Ю. В. Путевой дневник от Нерчинского острога до Пекина русского посланника в Китай Николая Гавриловича Спафария, — «Известия Оренбургского отделения РГО», 1896, вып. 9.
3. Атлас географических открытий в Сибири и Северо-Западной Америке XVII—XVIII вв., М., 1964.
4. Двадцатипятилетие имп. Русского географического общества. 13 января 1871 года, СПб., 1872.
5. Дополнения к Актам историческим, изданным Археографической комиссией, т. 2, СПб., 1846; т. 4, СПб., 1851.
6. Ефимов А. В. Из истории великих географических открытий, М., 1971.
7. Забелин И. Е. История города Москвы, ч. 1, М., 1902.

8. История Сибири с древнейших времен до наших дней, т. 2. Сибирь в составе феодальной России, Л., 1968.
9. Клепиков С. А. Библиография печатных планов города Москвы XVI—XIX веков. Под редакцией академика М. Н. Тихомирова, М., 1956.
10. Книга Большому чертежу. Подготовка и редакция К. Н. Сербиной, М.—Л., 1950.
11. Лихачев Н. П. Разрядные дьяки XVI века, СПб., 1888, приложение IV.
12. Оглоблин Н. Н. Источники «Чертежной книги Сибири» Семена Ремезова,— «Библиограф», 1891, вып. 6.
13. Огородников Е. К. Побережье Ледовитого и Белого морей с их притоками по книге Большого чертежа, СПб., 1875.
14. Описание документов и бумаг, хранящихся в Московском архиве Министерства юстиции, кн. 6, М., 1869, отд. II.
15. Открытия русских землепроходцев и полярных мореходов XVII века. Составлен Н. С. Орловой под редакцией члена-корреспондента АН СССР А. В. Ефимова, М., 1951.
16. Подлинные документы о плавании С. И. Дежнева (публикации Т. Д. Лавренцовой),— сб. «Русские арктические экспедиции XVII—XX вв.», Л., 1964.
17. Полевой Б. П. Географические чертежи посольства Н. Г. Спафария,— «Изв. АН СССР», сер. геогр., 1969, № 1.
18. Полевой Б. П. Гипотеза о «Годуновском» атласе Сибири 1667 г.— «Изв. АН СССР», сер. геогр., 1966, № 4.
19. Полевой Б. П. Забытые сведения спутников В. Д. Пояркова о Сахалине (1644—1645 гг.),— «Изв. ВГО», 1958, № 6.
20. Полевой Б. П. К проблеме восстановления чертежа Оби 1598 г. О маршрутных чертежах, описанных в «Книге Большому чертежу»,— «Доклады Института географии Сибири и Дальнего Востока», 1966, вып. 13.
21. Полевой Б. П. Курбат Иванов — первый картограф Лены, Байкала и Охотского побережья (1640—1645 гг.),— «Изв. ВГО», 1960, № 1.
22. Полевой Б. П. К трехсотлетию «Годуновского» чертежа Сибири,— «Доклады Института географии Сибири и Дальнего Востока», 1968, № 17.
23. Полевой Б. П. К трехсотлетию создания этнографического чертежа Сибири 1673 г. (Из истории становления русской этнокартографии),— «Советская этнография», 1973, № 4.
24. Полевой Б. П. Новое об Амурском походе В. Д. Пояркова (1643—1646 гг.),— «Вопросы истории Сибири. Досоветский период», Новосибирск, 1973.
25. Полевой Б. П. Новое о «Большом чертеже»,— «Изв. АН СССР», сер. геогр., 1967, № 6.
26. Полевой Б. П. Новое о происхождении «Сказания о великой реке Амуре»,— Рукописное наследие древней Руси. По материалам Пушкинского дома, Л., 1972.
27. Полевой Б. П. О картах Северной Азии Н. К. Витсена,— «Изв. АН СССР», сер. геогр., 1973, № 2.
28. Полевой Б. П. О подлиннике «Чертежной книги Сибири» С. У. Ремезова 1701 г. Опровержение версии о «румянцевской копии»,— «Доклады Института географии Сибири и Дальнего Востока», Иркутск, 1964, вып. 7.
29. Полевой Б. П. О структуре чертежей, описанных в «Книге Большому чертежу»,— Краткие тезисы докладов к годичной конференции Ленинградского отделения Советского национального объединения истории и философии естествознания и техники (декабрь 1972 г.), Л., 1972.
30. Полевой Б. П. Существовала ли вторая «Хорографическая книга» С. У. Ремезова? — «Изв. Сиб. отд. АН СССР», сер. общественных наук, 1969, № 1, вып. 1.
31. Поспелов Е. М. Топонимика и картография, М., 1971.
32. Румянцев В. Е. Вид Московского Кремля в самом начале XVII века.— Древности,— «Труды имп. Московского археологического общества», т. II, вып. 1, М., 1886.
33. Салищев К. А. История картографии,— сб. «Итоги науки и техники. Картография», т. 6, М., 1974.
34. Сборник документов по истории Бурятии. XVII век, вып. 1, Улан-Удэ, 1960.
35. [Спафарий Н. Г.] Путешествие через Сибирь до Нерчинска и границ Китая,— «Зап. ИРГО по отделению этнографии», т. X, вып. 1, СПб., 1882.
36. Старостин И. И. О рукописи «Книги Большому чертежу» № 1330 из собрания Ундольского,— «Вопросы географии», вып. 17, М., 1950.
37. Ураносов А. А. К истории составления «Книги Большому чертежу»,— «Вопр. истории естеств. и тех.», 1957, № 4.
38. «Чертежная книга Сибири, составленная тобольским сыном боярским Семеном Ремезовым в 1701 году»,— изд. Археогр. комиссии, СПб., 1882.
39. Чуркин В. Г. Атласная картография, Л., 1974.
40. Ястребов Е. В. О времени составления одного из ранних чертежей Русского государства,— «Изв. АН СССР», сер. геогр., 1969, № 3.
41. Vagrow L. S. Sparwenfeld's map of Siberia,— «Imago Mundi», 1947, vol. IV.

42. Baer K. E. Die alte Reichskarte, Большой чертеж — Beiträge zur Kenntniss des Russischen Reiches und der Angrenzen den Länder Asiens, Bd 16, Petersburg, 1872.
43. [Blau J.] La Géographie Blavianaë, vol. 2, Amsterdam, 1663.
44. Massa I. Descriptive regionum Siberiæ, Samojediae, Tingoesiæ et itererum ut Moschis, Orientem et Aquilonem versus eo ducentium ut a Moschis hodie Frequentantur, Amsterdam, 1612.
45. Polevoi B. P. Commemorating the three hundredth Anniversary of the «Godunov map» of Siberia.— The Canadian Cartographer, vol. 8, № 1, June 1971.
46. Polevoi B. P. Major Russian Maps of the 16th—17th cc. in the light of recent researches.— V-th International conference on the History of Cartography, 13—17 September, 1973, Warsaw, Jadwisin.
47. Remezov S. U. Atlas of Siberia, facsim. ed., with an introduction by L. Bagrow (Imago Mundi, Suppl. I), 's-Gravenhage, 1968.
48. Witsen N. Moscovische reyse 1664—1665. Journaal en Aentekeningen. Uitgegeven door Th. J. G. Locher en P. de Buck, Deel III, 's-Gravenhage, 1967.
49. Witsen N. Noord en oost Tartarye, Amsterdam, 1692, 1705, 1785.

Архивные материалы

50. Архив Академии наук СССР (Ленинградское отделение), ф. 21, оп. 4, кн. 30.
51. ЦГАДА (Центральный государственный архив древних актов), ф. 62, кн. 3.
52. ЦГАДА, ф. 214, стлб. 867.